

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-97-101

Рецензия на книгу:

Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева¹

Анна Сергеевна Кулева

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
e-mail: an_kuleva@mail.ru*

Ссылка для цитирования: Кулева А.С. Рецензия на книгу: В.С. Елистратов. Словарь языка И.С. Тургенева // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 4. – С. 97–101. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-97-101.

Review of the Book by V.S. Elistratov «Dictionary of I.S. Turgenev's Language»

Anna S. Kuleva

*Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: an_kuleva@mail.ru*

A reference for citation: Kuleva A.S. Review of the Book by V.S. Elistratov «Dictionary of I.S. Turgenev's Language». In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No. 4, pp. 97–101. DOI: 10.30515 / 0131-6141-2019-80-4-97-101.

Словарь языка И.С. Тургенева», составленный В.С. Елистратовым, стал достойным подарком к 200-летию со дня рождения писателя². В словаре собрано около 3500 слов и выражений из 80 основных художественных текстов Тургенева. Издание обращено прежде всего к равнодушному массовому читателю и продолжает ряд справочных пособий, помогающих познакомиться с произведениями русской классики в историческом контексте, не теряя авторских намеков, понимая вводимые автором символические образы, обращая внимание на речевые характеристики персонажей и др. С течением времени это становится все более необходимым и востребованным,

особенно в школьном преподавании, поскольку «современный читатель» все дальше уходит от писателей-классиков.

Рецензируемое издание относится к типу дифференциальных словарей, в нем толкуются не все слова, встречающиеся у писателя, но лишь те, которые могут поставить в тупик современного читателя — устаревшие, диалектные, намеренно искаженные и пр., т.е. не вполне понятные и в большинстве случаев выходящие за рамки современного литературного языка (в отличие от подавляющего большинства лексических единиц). Этот подход, безусловно, следует считать оправданным, исходя из адресата-неспециалиста. Полные академические словари языка крупных русских прозаиков, скорее всего, дело далекого будущего, тогда как широкому кругу читателей ответы на многие вопросы нужны уже сегодня (а точнее — «позавчера»).

Дать ответы на многие насущные вопросы читателей призваны словари такого типа, какой разрабатывает В.С. Елистратов, — словари

¹ Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева. — Москва: Вече, 2018.

² Часть «Словаря языка И.С. Тургенева» В.С. Елистратова (А—М) в журнальной редакции была опубликована в журнале «Русский язык в школе и дома» (РЯШД. — 2018. — № 1–9; 2019. — № 1).

небольшие, которые прочитать может не только учитель или студент, но и школьник. Они дают большой объем разного рода информации, пусть не исчерпывающей, зато побуждающей к дальнейшему чтению.

Самое главное, что такой словарь демонстрирует уважение к читателю, даже малокомпетентному, не греша намеренным стремлением к упрощению, при котором может теряться не только интересное, но и важное. Рецензируемый словарь дает широкую картину того, чем словоупотребление Тургенева отличается от современного языка: позволяет увидеть Тургенева не только как блестящего стилиста, но и как смелого экспериментатора — с одной стороны, а с другой — заметить изменения, произошедшие в языке за последние полтора века на примере хорошо известных произведений.

Слова, отобранные В.С. Елистратовым, можно условно разделить на несколько разнородных пластов. Одни характеризуют язык дворянского общества в его разных проявлениях: устаревшая книжная лексика (*априорический, гуморалист, интимидация*); историзмы (*беленькая, dormez, каломель, камерфрау*); галлицизмы светского общества и другие заимствования — нередко в устаревших вариантах (*гранжанр, комплексия* = *комплексия, пашквиль, пингвин, эластически*); лексика провинциального дворянства, включающая как местные, в том числе народные, диалектные элементы, так и заимствованную, книжную лексику — зачастую в искаженном или переосмысленном виде (*альбомец, лавровишенье, мамзель(ка), панталашки*).

В других словарных статьях отражены разные формы народного языка. Во-первых, это диалектная речь (*амшаник, войлоко, забеднять, закутка, мелоча*); что особенно ценно, автор приводит комментарии самого Тургенева — и включенные в текст произведения, и выделенные в примечания или комментарии. Во-вторых, это просторечие, в том числе отдельные примеры городского просторечия, а также избыточный искаженными словами язык дворни (*антересоват, дохтур, ниверситет, тверёзий*).

Можно заметить, что язык малообразованной части дворянства, городских слоев и крестьянское просторечие в определенной степени смыкаются.

Также встречаются слова из различных специальных пластов — не только светские галлицизмы, но и армейский жаргон, язык игроков, терминология охотников и др.

Отдельным пластом оказывается язык зарождающейся интеллигенции с ее стремлением к книжной, заимствованной лексике, а также к языковой игре (*вещия* 'вещь').

Автор включает в словарь и такие лексемы, которые, казалось бы, вполне понятны и/или обнаруживаются в многотомных толковых словарях, однако у современного читателя могут вызвать затруднения: *бегивать, блузник, всполохнуться, ёжиться, захудать*, а также своего рода омонимы — привычные слова в неизвестных читателю (устаревших, ситуативных, индивидуально-авторских) значениях: *ансамбль, дворник, репетиция, тычинка, форма*.

К сожалению, в словарных статьях не хватает некоторой маркированности лексических единиц, что может смутить неподготовленного читателя.

Заслуживает уважения научная позиция Елистратова: действительно, в авторской лексикографии очень трудно однозначно приписать тому или иному слову лексикографическую помету, как это делается в толковых словарях. Не всегда легко определить, что должно быть выбрано в качестве точки отсчета: состояние языка, современное автору или нам. Как представляется, в словарях, имеющих прежде всего учебное назначение, вполне оправдано введение помет, ориентирующих читателя по отношению к его собственному языку. В рецензируемом словаре словарные пометы автором используются, но несколько нестандартно — в конце словарной статьи или в толковании. Читателю приходится самостоятельно ориентироваться в массиве самых разнородных лексических единиц, но помету было бы лучше поместить на ее привычное место — сразу после грамматической информации: было бы удобнее сразу видеть, к какому пласту лексики относится каждое слово (салонный галлицизм или крестьянское просторечие, книжная лексика или армейский жаргон), на что надо обращать внимание в приводимых цитатах.

Словарь наталкивает и на ряд других вопросов дискуссионного характера, касающихся структуры словарной статьи,

но большая часть собственно замечаний носит скорее технический характер.

Можно отметить, что предисловие (излишне краткое, на наш взгляд) ориентировано на достаточно подготовленного читателя. Хотелось бы, чтобы оно лучше объясняло основной текст, с которым предстоит встретиться читателю — собственно словарь: принципы отбора лексики, типы представленных слов, более подробное описание строения словарной статьи, принципы постановки помет и др.

Так, словарь включает отдельные имена собственные (например, *Линецк* — шутивно вместо *Лейнциг*) — это лексикографическое решение, которое заслуживает комментария; известно, что многие авторские словари не включают этот разряд лексики, что представляется не лучшим решением, поскольку ономастика очень важна в языке писателя.

Хотелось бы в предисловии видеть пояснение довольно спорных принципов подачи в словарных статьях фразеологизмов; к тому не все читатели смогут самостоятельно извлечь информацию.

Выбор основных произведений Тургенева, представленных в словаре, очень удачен: это произведения разного объема и разных жанров (романы, повести, рассказы, драматургия, публицистика), список включает почти все произведения, которые изучаются в школе: «Муму», рассказы из цикла «Записки охотника», «Ася», «Отцы и дети». Возможно, этот перечень надо было дать сразу после предисловия, чтобы сами словарные статьи начинались после списка помет.

Приведенный в словаре список помет в целом соответствует традиционным, привычным тем, кто пользуется словарями, но хотелось бы увидеть разграничение стилистических (*книжн.*, *прост.*, *диал.* и т.д.) и других помет — в словарях первые обычно выделяются курсивом, что иногда используется в данном издании, но не отражено в списке помет.

Завершающий книгу список использованной литературы представлен, но не кажется исчерпывающим. Так, в списке литературы есть работа Р.М. Кирсановой «Розовая ксандрейка и драдемамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX в.», но нет ее же книги «Костюм в русской художественной культуре 18

— первой половины 20 вв. (опыт энциклопедии)» (М., 1995), где иногда приводятся слова, в значении которых В.С. Елистратов не совсем уверен. Например, в статье «ТРЮ-ТРЮ-ЛЕВАНТИН» («Разновидность ткани, вероятно, выдуманная И.Т.») он предполагает, что писатель объединил названия «узорчатой и однотонной шелковых тканей»; Р.М. Кирсанова уточняет, что это был похожий на газ «трю-трю» и плотный гладкий левантин, ссылаясь на письмо Тургенева переводчику своего романа, англичанину:

Во времена наших бабушек была такая ткань, которая называлась по французски *trou-trou* — по всей вероятности, это было нечто очень легкое с большими глазками, *à larges mailles*, — и простодушный старичок спутал эту ткань с левантином (цит. по: [Кирсанова 1995: 155]).

В статье «ЦИКОРИЯ» (с приведением параллели из Словаря Ожегова: «Травянистое растение семейства сложноцветных, сушеный корень которого употребляется как добавка к натуральному кофе») автор, к сожалению, оставил без комментария приведенный им пример:

Однажды, в самом начале весны, шел он по саду и тросточкой сбивал головки цикорий, этих маленьких желтых цветков, которые в таком множестве первые появляются на едва зеленеющих лугах. («Три портрета»).

Кажется, даже современный горожанин может припомнить, что у цикория цветки голубые, а цветет он в июле. Вероятно, здесь можно было бы обойтись без цитаты из Ожегова, но добавить сведения В.И. Даля (Словарь. — Т. 4. — С. 574): «ЦИКОРИЙ м. растение *Cichorium intibus*... петровы-бабоги, голубой-цикорий, пугovníк, шербак (ошибч. желтяница, это вероятно желтый-цикорий, одуван, *Taraxacum*)», что отражает характерное для старой ботанической литературы смешение разных растений и их номенклатуры, происходящее как из разницы в классификациях, так и из существовании богатой синонимии.

Основная часть словаря — собственно словарные статьи, состоящие, согласно Предисловию, из следующих зон: заглавного слова или выражения (с ударением или с рядом ударений); грамматических помет; стилистических помет;

сочетаемых параметров; толкования; иллюстрации со ссылкой на произведение; лингвокультурологического комментария (с. 5). Наверное, в вводной части можно было бы привести образец словарной статьи, например:

ЗАРАСТИ́: зарасті мхом. Одичать, закоснеть, отстать от остальных без общения, без попыток быть в курсе происходящих изменений. *По крайней мере я стараюсь, по возможности, не зарасти, как говорится, мхом, не отстать от века.* («Отцы и дети»). Ср. чаще встречается «мохом обрасти» (С. Ожегов, Д. Мамин-Сибиряк и др.).

Важно, что словарная статья часто включает отсылки к толковым словарям, где встречается соответствующая лексема, акцентируя различия словарного значения и тургеневского употребления. Часто лексема сопоставляется с современным словоупотреблением, иногда приводится краткая этимология. Удачным решением можно назвать включение примеров из произведений других писателей, которые либо позволяют увидеть типичность устаревшего, диалектного и т.п. слова, либо подчеркивают особенности идиостиля Тургенева. Возможно, в качестве источника таких примеров было бы полезно шире использовать Национальный корпус русского языка. Кстати, отсутствие такой параллели в некоторых случаях может быть косвенным указанием на индивидуально-авторский характер подобных слов.

В толкованиях заметно некоторое несоответствие между научным подходом автора и ориентацией на максимально широкого читателя: где-то можно найти следы излишнего упрощения, где-то без объяснения оставлены приемы научного текста. Так, многие словарные статьи включают пояснения различных трансформаций слов, обычно фонетических, с использованием терминов *ассимиляция*, *диссимиляция губных согласных*, *метатеза*, *протеза*, *эпентеза* и др., едва ли понятные широкому читателю (особенно с опечатками — на с. 26 находим без пробела «с эпентезой[н]»). Имело бы смысл привести их списком (скажем, после списка помет) с пояснениями — это и помогло бы читателям понимать толкования словарных статей, и познакомило бы их с этими терминами. Некоторые такого рода лингвистические комментарии кажутся излишними при отсутствии необходимой информации:

так, о выражении *покорить под ноzi* (распространенное устойчивое выражение, восходящее к Пс 8:8) автор поясняет, что «переход [г] в [з] — т<ак> н<азываемое> второе южнославянское влияние», хотя в данном случае проще было бы поставить помету «церковнославянизм».

Возможно, церковнославянизмы оказываются одним из лексических пластов, специально не обозначаемых в словаре. Так, в статье «**ОТЖЕНИТЬ**» (отогнать) это слово встречается в словах молитвы — в цитате, что следовало бы отразить.

Среди других недочетов издания можно назвать некоторые толкования, с которыми рецензент не вполне согласен.

В некоторых случаях в толковании пропущен вводный элемент «Здесь:», означающий, что толкуется только нестандартное значение слова, тогда как более привычные значения не имеет смысла упоминать, например: *карандаш* «низкий, малорослый, но полный человек...»; *сбитень* «сильный, плотный, крепкий человек».

Иногда автор не избегает искушения вместо лексической единицы в контексте толковать сам контекст, что не совсем корректно. В статье «**БАРДА**» читаем; «*preneбр.* об отходах перегонки спирта...»; возникает ощущение, что помета *preneбр.* относится к толкуемому слову, однако в толковании характеризуется речь персонажа (в «Большом академическом словаре русского языка» (СПб., 2004 — Т. 1) это слово дается без помет, т.е. как нейтральное). *Близко* толкуется рядом слов: «приблизительно, на протяжении, в течение, по крайней мере», тогда как для этого слова достаточно толкования «около, приблизительно», а все остальные варианты относятся к контексту ...*близко двухсот годов*.

Иногда кажется, что ради лаконичности текста в толковании пропущена важная информация. В статье «**ФОСТ**» приводится характерный пример:

Вам иногда случается, любезный мой Афанасий Иванович, говорить: крухт и фост... Оно, пожалуй, отчего же... можно... но, знаете ли: слова — фрукт и хвост как-то употребительнее; более, так сказать, в употребление вошли.

Можно предположить, что здесь особенно важно противопоставление литературному языку диалекта, в котором отсутствует [ф] (при губно-губном *в* [w] и отсутствии оглушения, когда произносится не

коро[ф], а коро[w], а имена собственные имеют форму типа *Хвѣдор*), вследствие чего носитель диалекта затрудняется в выборе правильного варианта слова с *ф*/*хв*.

Толкование в словарной статье «**БРАТЧИК**» «брат, товарищ, единомышленник» кажется неоправданно широким, ср. контекст:

Беседа ведется тоже тихая; касается она предметов духовных и патриотических, «Таинственной капли» Ф.Н. Глинки, миссий на Востоке, монастырей и братчиков в Белоруссии [И.С. Тургенев. Дым (1867)].

Речь здесь идет о мирянах, членах православных братств, возникших в XVI в. в Западной Руси в целях защиты интересов православия (в инославном окружении).

К чести автора, в случаях, когда он не полностью уверен в абсолютной точности толкования, он выбирает формулировки, которые указывают читателю на возможные варианты, или даже честно признает недостаток информации — это очень важное и очень смелое решение, особенно в жанре популярного справочника.

Трудно согласиться с автором словаря, который толкует слово *пифик* как «представитель искусства, художник, поэт», сближая его с *пифический* «эпитет Аполлона» и *Пифия*. Кажется, что здесь было бы лучше сосредоточиться на устаревшем прямом значении лексемы: *пифик* «обезьяна»; ср.: «Вид обезьян» (Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — СПб., 1910).

Если расширить приведенный в словаре контекст, можно обнаружить несколько интересных фактов, заслуживающих комментария:

Потом он рассказал, как, посетив однажды народную школу, он поставил ученикам вопрос: «Что есть строфоками́л?» И так как никто не умел ответить, ни даже сам учитель — то он, Калломейцев, поставил другой вопрос: «Что есть

пифик?» — причем привел стих Хемницера: «И пифик слабоум, писатель зверских лиц!» И на это ему никто не ответил. Вот вам и народные школы! — Но позвольте, — заметила Валентина Михайловна, — я сама не знаю, что это за звери такие? — Сударыня! — воскликнул Калломейцев, — вам этого и не нужно знать! — А для чего же это народу нужно. — А для того, что лучше ему знать пифика или строфокамила, чем какого-нибудь Прудона или даже Адама Смита! [И.С. Тургенев. Новь (1877)].

В частности, важной характеристикой персонажа (проливающей свет на авторскую оценку его взглядов) становится то, что он с легкостью приписал Хемницеру строку из хрестоматийной басни Фонвизина «Лисица-казнодей».

Завершить список досадных недочетов в рецензируемом словаре можно упоминанием ряда опечаток. Так, в статье «**ЕРАНЬ**» пропущено толкование 'герань', сразу следует пример: «...горшок ерани торчал перед окошком».

В статье «**ЛИХОЙ**» приводятся устойчивые выражения из пропавшей статьи «**ЛОБ**».

В статье «**СКУДО**» оборван пример — пропала часть, содержащая толкуемое слово:

В последнее время много шуму наделала одна его Вакханка; русский граф Бобошкин, известный богач, собирался было купить ее за тысячу скуди, но предпочел дать три тысячи другому ваятелю (выделена пропущенная часть).

В статье «**ФЕДОСЕЕВЦЫ**» в толковании «Старообрядцы-беспаловцы» опечатка (надо: «-беспоповцы»).

Однако все сделанные замечания никоим образом не умаляют ценности рассматриваемой книги. Этот лексикографический труд, в ряду других учебных словарей, исключительно полезен для понимания русской классики и, безусловно, найдет своего читателя.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Сергеевна Кулева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Российская академия наук; ул. Волхонка, д. 18/2, г. Москва, 119019, Россия

Anna S. Kuleva, Cand. of Sci. (Philol.), Senior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; 18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019, Russia